

М. Ю. Реутин

ORCID: 0000-0003-4096-9687

✉ mreutin@mail.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

БОГ-ШАР В НЕМЕЦКОЙ МИСТИКЕ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. В статье рассматривается феномен мистических переживаний, инспирированных живописными изображениями и литературными текстами в рамках женской мистики Германии конца XIII — первой половины XIV в. Статья состоит из предисловия и двух частей. В предисловии коротко обсуждается влияние локальных речевых практик и отдельных образных систем, разработанных и существовавших в повседневном монастырском быту, на содержание экстатических созерцаний, описанных средневековыми харизматиками. В части первой это влияние продемонстрировано на примере одного из ночных экстазов Маргарет Эбнер, монахини доминиканской обители Марии Мединген на Дунае (30–40-е годы XIV в.). В части второй в качестве примера выбрано созерцание Бога в образе шара, навеянное бегинке Мехтхильде Магдебургской (последняя треть XIII в.) анонимной «Книгой XXIV философов» (вторая половина XII в.), весьма популярной в среде немецких мистиков и философов позднего Средневековья. В конце статьи автор ставит вопрос о том, как изменяются специфика и статус литературного и живописного образа, ставшего фактом мистического опыта. При этом кратко затрагивается новая духовная практика автодетерминации, противопоставляемая харизматиками традиционно-му церковному благочестию.

Ключевые слова: экстаз, харизматик, образ, автодетерминация, объективное содержание образа

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Реутин М. Ю. Бог-шар в немецкой мистике позднего Средневековья // Шаги/Steps. Т. 9. № 3. 2023. С. 129–139. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-129-139>.

*Статья поступила в редакцию 15 февраля 2023 г.
Принято к печати 4 марта 2023 г.*

M. Yu. Reutin

ORCID: 0000-0003-4096-9687

✉ mreutin@mail.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

GOD-SPHERE IN GERMAN MYSTICISM OF THE LATE MIDDLE AGES

Abstract. The article deals with the phenomenon of mystical experiences inspired by pictorial images and literary texts within the framework of female mysticism in Germany at the end of the 13th — first half of the 14th centuries. The article consists of a preface and two parts. The preface briefly discusses the influence of local speech practices and particular image systems, developed and existing in everyday monastic life, on the content of ecstatic contemplations described by medieval charismatics. In part one, this influence is demonstrated through the example of one of the nocturnal ecstasies of Margaret Ebner, a nun of the Dominican convent of Maria-Medingen on the Danube (1330s-1340s). In part two, we consider the Beguine Mechthild of Magdeburg's (last third of the 13th century) vision of God in the form of a sphere: it was by, inspired by the anonymous "Book of the XXIV Philosophers" (second half of the 12th century), very popular among German mystics and philosophers of the late Middle Ages. At the end of the article, the author raises the question of how the specificity and status of the literary and pictorial image, which had become a fact of mystical experience, was changing. At the same time, the new spiritual practice of self-determination, opposed by charismatics to traditional church piety, is briefly touched upon.

Keywords: ecstasy, charismatic, image, self-determination, objective content of the image

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Reutin, M. Yu. (2023). God-sphere in German mysticism of the Late Middle Ages. *Shagi / Steps*, 9(3), 129–139. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-3-129-139>.

Received February 15, 2023

Accepted March 4, 2023

Вводные замечания

У всякого человека, впервые столкнувшегося с женской мистикой позднего Средневековья, вызывают оторопь и даже некоторый шок представленные в ее текстах аскетические и экстатические практики и созерцания. Однако впоследствии, когда первое удивление проходит, начинает угадываться известная логика этих практик и созерцаний, открывается их рациональность и, более того, их необходимость в имеющемся виде, их жесткая вписанность в тот образ мира, что был предустановлен духовной литературой (прежде всего Проповедями на Песнь песней Бернарда из Клерво), странствующими кураторами и духовниками (Майстером Экхартом, Бертольдом Моосбургским, Генрихом Сузо, Иоанном Таулером и многими другими). Впрочем, сам характер действий и содержание созерцаний как таковые, разумеется, не предписывались, но логически следовали из инсталлированного образа мира. Свобода делать практические выводы была оставлена харизматикам. Такая свобода оказалась на проверку достаточно условной: поступки и образы особым разнообразием не отличались. Их серийность и правила комбинаторики лежат на поверхности.

Что касается образов, переживаемых в видениях, явлениях и аудициях¹ — а именно им и посвящена настоящая статья, — то они, по всей вероятности, закладывались в сознание в промежутках между экстатическими состояниями. Если сознание является функцией языка, то отдельное сознание представляет собой производное от конкретной речевой практики, в которую оно (согласен) погружено. Конструируя язык, мы тем самым конструируем каждое находящееся в зоне его распространения сознание. Разумеется, язык здесь понимается нами предельно широко, как совокупность знаковости (образов, понятий, поведенческих сценариев, логических и псевдологических ходов), развитая на основе естественного, в нашем случае средневерхне-немецкого языка. Усвоение этой знаковости, как правило, происходило в процессе «пережевывания жвачки» (*ruminare*) — так на жаргоне средневековых монахов называлось постоянное чтение священных текстов, прежде всего библейских.

Само это чтение было в достаточной мере специфическим. Оно чаще всего представляло собой ритуализованное говорение, в котором на первый план выходил голос чтеца: так сказать, звуковое, физически осязаемое тело этого голоса. Чтение (*lectio*), как показывают реконструкции, регу-

¹ Видение (лат. *visio*, нем. *Vision*) — мистический опыт, при котором харизматик покидает пределы реального мира, переносится в потустороннее пространство и визуально воспринимает его, причем ему открывается некоторое ранее скрытое от него содержание — голосом сверхъестественного персонажа либо с помощью непосредственного, «влитого знания».

Явление (лат. *apparitio*, нем. *Erscheinung*) — мистический опыт, при котором харизматик остается в бытовом пространстве и воспринимает его, однако его посещают пришельцы из потустороннего мира, которых он видит и с которыми общается.

Аудиция (лат. *auditio*, нем. *Audition*) — мистический опыт, состоящий в акустическом и не сопровождаемом визуальным рядом восприятии голоса сверхъестественного персонажа, которым озвучиваются высказывания самого разного рода. Аудиция близка к явлению в том смысле, что не предполагает перехода из одного пространства в другое.

лярно переходило в размышление (*meditatio*) и в молитву (*oratio*). Эти три рода деятельности являются отдельными гранями общего мнемонического комплекса («памятования о Боге», *μνήμη θεοῦ*), где воображение, эмоции и мышление пронизывают друг друга и находятся в состоянии синкретического единства. Что касается собственно чтения, то практиковались три его техники (согласен): вслух (рецитация), «про себя» и субвокализация (беззвучное чтение с артикуляцией).

1. Казус Маргарет Эбнер

Итак, содержание мистических созерцаний формировалось, по всей вероятности, в периоды между экстазами, во время экстазов оно проявлялось. В этом смысле, как сказано выше, важнейшую роль сыграли 86 проповедей Бернарда Клервоского на библейскую Песнь песней Соломона. Именно в них были сформированы (пока в виде литературных метафор) главные поведенческие сценарии монашеских практик XIV в.: брачный (нуптиальный), страстной (пассиональный) и рождественский (натальный). Намеченные Бернардом образы со временем получили тщательную пластическую проработку. Там, где Бернард писал в 1135 г.:

Я собирал мировой пучок от всех забот и горестей Господа моего, начиная с невзгод детских лет, и от тягот, которые Он нес, проповедуя... [Bernhard 1995: 98], —

мы имеем в «Свято-Георгенских проповедях», составленных во второй четверти XIII в., популярной немецкоязычной адаптации проповеди Бернарда:

Я принимал в сердце моего Создателя со всеми Его страданиями и размышлял о Его младенчестве: как Его обвивали пеленками и полагали в ясли, как Он истекал кровью при обрезании и с каким великим трудом был возвращен. Размышлял о Его постах, <...> сколь часто Он уставал от проповеди и от множества других дел... [Rieder 1908: 338].

Здесь мы оказываемся в образном мире, известном нам по сочинениям немецких доминиканок первой половины XIV в. (Адельхайд Лангманн, Кристины Эбнер, Элизабет Штагель и т. д.). Обратим внимание, что образы, заданные у Бернарда в виде метафор, превратились в адаптациях его проповедей XIII в. в литературные мотивы (имеющие субъектно-предикативное ядро); в XIV в. такие мотивы стали сценариями перформативных монашеских практик, реализуемых в повседневном быту. Это были в своем роде драматические представления, длившиеся долгие годы, без сцены и зрителей... Вернее, сценой стала монашеская келья, а зрителями — сам харизматик (он же исполнитель и режиссер) и, как он был убежден, наблюдающий за ним с наслаждением Бог.

Содержание мистических созерцаний определяла также настенная живопись² и предметы малой пластики (миниатюрные фигуры и фигурные композиции). Эти предметы изготавливались в женских обителях и циркулировали между ними в качестве взаимных дарений. Этой стороне жизни монахинь посвящены работы американского историка средневекового искусства Джеффри Ф. Хамбургера, прежде всего его известная книга «Монахини как художницы: Визуальная культура средневекового конвента» [Hamburger 1997].

Наглядный пример того, в какой мере образы мистических созерцаний могли быть зависимы от произведений искусства, имеется в «Откровениях» Маргарет Эбнер (ок. 1291–1351), насельницы доминиканского монастыря Марии Мединген, расположенного около города Диллинген (на Дунае):

В день святого Стефана подал мне мой Господь чуждый дар, для меня вожделенный. Из Вены мне был послан прелестный образ. На нем был изображен Иисус в колыбели, ему прислуживали четыре ангела из золота. Этого Младенца я видела как-то раз ночью во сне, весело и весьма живо играющим в колыбели. Я спросила Его: «Почему Ты не ведешь себя пайнкой, не дашь мне поспать, я ведь достаточно Тебе помолилась?» А Младенец сказал: «Не желаю дать тебе спать, забери Меня к себе». Я взяла Его, полная томления и радости, из яслей и поставила себе на колени. Какой Он был миленький! Я сказала Ему: «Поцелуй меня, и тогда я забуду, что Ты у меня отнял покой». Тут Он прильнул ко мне, обнял меня Своими ручонками и принялся меня целовать. А мне захотелось у Него кое-что разузнать касательно святого обрезания. Но Он мне ничего не открыл. От одного видения получила я великую благодать и сладость [Штагель 2019: 256].

---

² Например, «пляска смерти» (нем. *Totentanz*), изображения которой наносились в галереях монастырского «крестового хода», месте рекреации и размышлений средневековых монахов. Далее мы приводим принадлежащее Иоанну Таулеру описание настенных фресок трапезной в одном из женских монастырей Кёльна (первая половина XIV в.):

...в трапезной у наших сестер имеется пара картинок. На одной — особа, облаченная в синее платье, у нее нет очей, а ее платье все покрыто очами; она знаменует собой священный страх Божий. Однако это вовсе не то, что вы называете страхом, но тщательное соблюдение себя самого во всяком месте и обстоятельстве, в словах и делах; поэтому у нее на лице не имеется глаз, ибо сия забывает себя самое, любяшь ли ее, ненавидишь, хвалишь или бранишь; и у нее не имеется рук, ибо сия пребывает свободной от любых притязаний и в подлинном упразднении себя. А рядом стоит другая особа в блеклых одеждах, с дланями, возведенными вверх. Обе с босыми ногами, и у второй отсутствует голова, зато над нею возвышается Божество в светло-янском золоте; у Него не четко очерченный лик, но сплошное золотое пятно, что означает непостижимое Божество; там, где должна быть голова, от Него на этой картинке растекаются светлые волны; Божество — голова этой особы, картинка же имеет в виду сплошную нищету духа, чьей главою является собственно Бог [Tauler 1910: 379].

Для этих образов характерна своего рода «гиперсемантичность». Все их детали наделены значением, долженствующим так или иначе определять монашескую медитацию.

II. Казус Мехтхильды Магдебургской

Ярчайшим примером обусловленности мистических созерцаний современными им богословскими текстами стал казус бегинки второй половины XIII в. Мехтхильды Магдебургской, видевшей в своих экстазах Бога в форме бесконечного шара.

Впервые образ Бога-шара появился в «Книге XXIV философов», знаменитом образчике так называемого аксиоматического богословия второй половины либо конца XII в. В текстах этого направления богословской мысли Высокого Средневековья, сориентированных на «Начала» Евклида, христианская догматика излагалась в виде дополняющих друг друга аксиом и построенных на их основе теорем. Такие аксиомы и теоремы представлены в «Книге» как броские образные заголовки и краткие комментарии к ним дискурсивного характера. Всего таких заголовков (и, соответственно, комментариев) 24. В их авторах видели либо 24 эллинских мудрецов, либо 24 старцев Апокалипсиса (Откр 4: 4). Сама «Книга» свидетельствует о них так:

Как-то раз собрались двадцать четыре философа, лишь один стоял пред ними вопрос: Чтó есть Бог? И, посоветовавшись, решили они дать себе время [для размышления] и установить срок, когда бы им сойтись еще один раз. Тогда должен будет каждый из них изложить собственное понимание Бога в виде определения, дабы, извлекиши из своих определений нечто несомненное о Боге, утвердить это по общему согласию [Книга 2016: 186].

Авторство книги долгое время приписывалось легендарному Гермесу Тризмегисту, Трижды Величайшему, якобы унаследовавшему от Адама знания, сообщенные тому Богом, и передавшему их Моисею и Платону. И лишь Альберт Великий подверг это авторство сомнению. Влияние «Книги» на последующую европейскую культуру было без преувеличения колоссальным. Образами и теоретическими выкладками из нее вдохновлялись многие мыслители XII–XVIII вв.: от «универсального доктора» Алана Лилльского до Дж. Бруно и Г. В. Лейбница. (Например, в § 23 «Бог — это тот, кто постигается разумом лишь посредством неведения» [Там же: 193] восходят название и концепция трактата Николая Кузанского «Об ученом незнании».) «Книга» была известна схоластам (Александру Гэльскому, Фоме Аквинскому, Бонавентуре, Томасу Брадвардину) и немецким мистикам и богословам XIV в. (Майстеру Экхарту, Генриху Сузо, Бертольду Моосбургскому). Экхарт сообщил ей название, под которым она известна сегодня. «Книга» имела хождение в двух видах: как только набор заголовков, так и вместе с комментариями к ним.

Среди тезисов «Книги XXIV философов» обращают на себя особое внимание два параграфа, толкующие Бога в качестве шара:

§ 2

Бог — это бесконечный шар, середина которого всюду, поверхность нигде [Книга 2016: 186]³.

³ Комментарий к § 2: «Сие определение дано посредством того, что представляет саму первую причину в ее жизни как сплошную длительность. При этом границы ее протяженности

§ 18

Бог — это шар, у которого столько же поверхностей, сколько [в нем] имеется точек [Книга 2016: 191]⁴.

Как мы видим, в § 2 в основу образа бесконечного шара заложена деконструкция: этот образ вводится, чтобы затем его упразднить, ибо при ближайшем рассмотрении обыкновенный шар оказывается неполноценным подобием Богу. Деконструкции подлежат основные составляющие этого образа. Шар, середина которого всюду, — вовсе не шар, но сплошная бесконечность. В эту же бесконечность соответственно сдвигается зависящая от середины поверхность, так что шар окончательно утрачивает свою визуальную определенность. В § 18 внимание сосредоточено уже на поверхности шара (независимо от его середины), которая, в конечном итоге, оказывается отсутствующей. Да и вообще, речь идет о «поверхностях» во множественном числе. Бог представляет собой совокупность бесконечного множества — что само по себе содержит нонсенс — точек, являющихся центрами связанных с ними поверхностей; и все эти сферы-шары равноправны (ср. § 3: «Бог находится целиком в каждой частице Себя» [Книга 2016: 187]). Ни на одной из бесконечного числа поверхностей не имеется ни одной точки, не перекрываемой другою поверхностью.

Деконструкция отнюдь не является индивидуальным стилистическим ухищрением того или иного пишущего харизматика, но, пронизывая собой опыт и письменность средневековой немецкой мистики в целом, представляет собой устойчивое риторическое средство. И это средство напрямую следует из внутренней логики учения о бытии (онтологии) и, следовательно, учения о познании (гносеологии). Обе области философского знания не разведены в синкретизме мистического опыта.

«Принцип никогда не является тем, что изведено из этого принципа, как точка ни в коей мере не является линией» [ELW 2006 (5): 45, 9–10]. Принцип — это вещь в разуме Бога в качестве ее идеи или Божьего замысла о ней (*esse virtuale*); изведенное из принципа — это вещь, существующая в сотворенном физическом мире, когда она подлжит изменению и оказывается встроенной в цепочки внешних по отношению к ней детерминаций (*esse formale*). Задача заключается в том, чтобы, взяв за основу ту или иную известную нам вещь (шар), намекнуть, указать на ее — похожий на нее, но и совершенно на нее непохожий — прообраз в разуме Бога, да и на сам божественный разум (шар со смещаемой серединой и, следовательно, множеством поверхностей). Если традиционные способы суждения о Боге — катафаза (*via positiva*) и апофаза (*via negativa*) — сводились к утверждению (Бог — шар) или отрицанию (Бог — не шар), то рассматриваемая нами деконструкция диалектически совмещала в себе оба способа, делая отрицание коррективной утверждения

преодолевают всякое *где* и не ограничиваются никакими пределами. А посему ее середина повсюду, ибо она не имеет обычной протяженности. Если он [мудрец] будет спрошен о поверхности этого шара, то скажет, что она вознесена в бесконечное, ведь все, что есть такой шар, не имеет протяженности, как было и начало Творца» [Книга 2016: 186].

⁴Комментарий к § 18: «Сие определение следует из второго, ибо, поскольку Он без протяженности, и имеет бесконечную протяженность, то у шара Его сущности нет никакого края. Посему, на поверхности шара нет ни единой точки, чтобы с внешней стороны не было еще одной окружности» [Книга 2016: 191].

(Бог — шар, но без устойчивой середины и поверхности). Так выглядел «серединный путь» (он же «путь превосходства», *via eminentiae*), совмещавший в себе положительные и отрицательные суждения о Боге.

Если разложить «путь превосходства» на составляющие его шаги и элементы, то получится следующее: «предмет обозначения» (*res significata*), которым является та или другая из известных нам форм или какое-нибудь из присущих нам качеств (свет, шар, гнев и т. д.), и «способ обозначения» (*modus significandi*), которым эти формы и качества приписываются нами Богу. Приписывая Богу формы и качества, нам следует отказаться от способа нашего понимания этих форм и качеств — хотя бы из-за того, что они ограничены пространством и временем, связаны с материей, прилагаются субъектам в качестве предикатов, — и принять их «способом более высоким» (*secundum eminentiorem modum*)⁵. Таким образом, Бог становится светом, который есть тьма, шаром без определенной поверхности и середины; он гневается без гнева; ср. § 7: «Бог — это начало без начала, продвижение без изменения, цель без цели» [Книга 2016: 188]⁶.

Бог, несомненно, есть, утверждает неизвестный автор «Книги XXIV философов», но что он есть, неизвестно. Мы можем делать только речевые маневры в его сторону, основываясь на зримых реальностях, но тотчас отбрасывая их, признавая их негодными подобиями. Так выглядит мобилизация речевых средств, поставленных перед невыполнимой задачей — описанием неопишемого Бога и адекватным выражением опыта *unio mystica*. Но чем бы Бог ни был, «§ 24: Бог — это свет, который сияет, не зная преград. Он проникает сквозь всякую вещь. В вещи же он — не что иное, как подобие Богу» [Книга 2016: 193]. В самом деле, знакомый нам шар чем-то похож на Бога — бесконечный шар со сдвинутым центром и бесконечным множеством поверхностей, — хотя, вообще говоря, совсем не похож на него.

Разумеется, образы «Книги XXIV философов», и в первую очередь образ шара, нашли мощный отклик в богословской письменности доминиканцев позднего Средневековья. Он имеется в схоластическом «Толковании на Бытие», п. 155 Майстера Экхарта [2001: 114], первой немецкоязычной автобиографии «Vita», гл. 51 Генриха Сузо [2014: 139]. Он представлен в поэтической переработке в секвенции «Granum sinapis» («Горчичное зерно»), ст. 3 Псевдо-Экхарта в качестве «кольца (*rink*) Троицы»:

Тройная связь
родит боязнь,

⁵ Схоластический «путь превосходства» соответствует художественной типизации и карнавальной пародии, являющейся одной из ее исторических форм. Как известно, типическое — это не среднестатистическое, но прекрасное в своем роде с ярким (а часто и гипертрофированным) проявлением конструктивных принципов образа. Являясь своеобразным утверждением осмеиваемой вещи, пародия деформирует образы как раз вследствие подчеркивания их положительных характеристик (например, гипертрофия половых признаков, физических параметров и пр.).

⁶ Антиномические «без»-номинации («начало без начала») являются только одним из нескольких риторических проявлений деконструкции, о которой следует речь. Возможны также суперлативные («сверхначало») и тавтологические («начало началом») номинации. В любом из трех случаев речь идет о фиксации знакомой нам формы существования той или иной реалии и последующем отрицании этой формы в пользу неизвестного (условно говоря, совершенного, божественного) способа ее проявления.

здесь глубина
не знает дна.
Пространство, формы, время — их
ждет шах и мат.
Умом познать
исток всего
не суждено.
Недвижим центр кольца Троиx⁷.
(Пер. Е. В. Родионовой)

Недвижимость (*gâr unbewegit*) центра здесь ни в коем случае нельзя понимать как то, что сколько-нибудь противоречит его подвижности, повсеместности, заданной в «Книге XXIV философов». Недвижимость в тварном мире непостоянства — не что иное, как синоним подвижности в том же тварном мире сермяжной предметной определенности.

Дело не ограничивалось литературными текстами. Можно с уверенностью сказать, что образ шара стал элементом повседневной клишированной речи, имевшей место в доминиканских — мужских и женских — конвентах Германии первой половины XIV в., о которой упоминают в своих сочинениях, нередко с известной иронией, Г. Сузо⁸ и И. Таулер. Однако каждое клише этой компактной и ограниченной (как в пространственном, так и во временном отношении) речевой практики могло раскрываться и оживать, становясь предметом заинтересованного и углубленного обсуждения, чтобы быть затем свернутым опять до состояния клише: метафоры, предикативной единицы и пр.

Именно это произошло в случае с Мехтхильдой Магдебургской⁹, знаменитой бегинкой, чье творчество выпало на последние десятилетия XIII в. До своего ухода в саксонскую обитель Хельфта (Helfta), где ее «Струющийся свет Божества» вдохновил местных насельниц — Гертруду Великую, анонимную сестру N и Мехтхильду Хакеборнскую — к созданию собственных мистиче-

⁷ «Der drîer strik / hat tîfen schrik, / den selben reif / nî sin begreif: / hîr ist ein tûfe sunder grunt. / schach unde mat / zît, formen, stat! / der wunder rink / ist ein gesprink, / gâr unbewegit stêt sîn punt» [Экхарт 2010: 220–221].

⁸ Сведения о подобной клишированной речи дошли до нас в главе 33 автобиографии Г. Сузо «Vita», где он сообщает о своей ученице, доминиканке из обители Тёсс (Винтертур) Элизабет Штагель:

В самом начале, неведомо кем, в ее голову были занесены возвышенные и утонченные мысли, превышающие всякое разумение: об обнаженном Божестве, ничтожестве всех вещей, погружении себя самого в ничто, безобразности всяческих образов и о подобных высоких материях — [мысли], облеченные в красивые словеса и возбуждающие у людей удовольствие [Сузо 2014: 82].

⁹ Мехтхильда (Мехтильда) Магдебургская (Mechthild von Magdeburg, ок. 1208/1210 — 1290-е гг.) — немецкая визионерка, бегинка, в конце жизни насельница цистерцианского монастыря Хельфта (Helfta) в Саксонии, автор мистического сочинения на средненижнемецком языке «Струющийся свет Божества» (семь книг). Это сочинение (в его переводе на базельский диалект кружком «Божьих друзей») оказало сильнейшее влияние на немецкую женскую мистику середины XIV в. (Маргарет Эбнер, Кристина Эбнер). Латинский перевод «Струющегося света» (между 1282 и 1298 г.) оказал влияние на «Божественную комедию» Данте.

ских опусов (так что в итоге сложился в своем роде литературный кружок), бегинка из Магдебурга окормлялась монахами-духовниками: доминиканцем Генрихом Галленским и премонстрантом Вихманом (Вигманом) Арнштайнским. Вероятно, именно они в личных беседах познакомили не знавшую латыни Мехтхильду с образом Бога-шара — подобно тому, как несколько десятилетий спустя с этим образом познакомил доминиканку из Винтертура Элизабет Штагель ее духовный наставник, констанцский доминиканец Г. Сузо. Впоследствии образ Бога-шара попал на страницы «Струящегося света Божества» (кн. VI, п. 36) в качестве предмета мистического созерцания, а затем, как это обыкновенно случалось, предмета последующей концептуализации и литературной обработки:

Где был Бог, прежде чем Он что-либо сотворил? Он был в Себе Самом, а в Нем было всё явно и открыто, как и днесь. В каком образе был Господь наш тогда? Точно тем же образом, как шар, а всё было в Боге заключено без замков и без дверей. Нижняя часть того шара — это бездонная твердыня ниже всякой бездны, верхняя часть того шара — высота, которой ничто не превышает, окружность того шара — круг необъятный. Тогда еще Бог Творцом не стал. Но когда Он всё сотворил, отверзся ли тот шар? Нет, он всё ещё цел и вечно будет целым пребывать [Мехтхильда Магдебургская 2014: 202].

Как и в случае Маргарет Эбнер, литературный образ сделался фактом индивидуального опыта Мехтхильды Магдебургской. Будучи явлен в экстазе, он поменял регистр своего существования, став, с одной стороны, весомо-объективным, непреложно-императивным, поскольку являлся персональным откровением Бога, а с другой стороны, вошел в другой контекст и обогатился неповторимыми деталями и частностями, поскольку являлся персональным откровением Бога. Так вообще выглядит автодетерминация всякого харизматика — не через ритуал и церковную институцию (извне наложенный на него экзоскелет), но посредством объективного, навязанного ему (например, в эманации) содержания образа, воспринимаемого им субъективно и вследствие этого аранжируемого индивидуальными модальностями. Однако из-за такой аранжировки содержание образа не перестает быть незыблемо-объективным, что было доказано Майстером Экхартом в ходе его Парижских диспутов 1311–1313 гг.¹⁰

Источники

Книга 2016 — Книга двадцати четырех философов / Пер. с лат. и примеч. М. Ю. Реутина // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 186–198.

¹⁰ Это нетрудно понять, если основываться на авторском опыте. Можно создавать или не создавать литературный образ, но если образ создан, то, обладая собственным предметным содержанием, он мыслится как некое само-по-себе, навязывает себя как именно такой образ. С одной стороны, образ персонажа вполне ирреален, с другой же — он содержательно самостоятелен и недоступен мыслительному произволу с того самого момента, как задан. Такова объективная составляющая индивидуального мистического опыта вообще и откровения в частности.

- Мехтильда Магдебургская 2014 — *Мехтильда Магдебургская*. Струющийся свет Божества: Перевод и исследования / Авт.-сост. Н. А. Ганина; Пер. со ср.-верх.-нем., коммент. Н. А. Ганиной; ст. Н. А. Ганиной, Н. Ф. Палмера. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014.
- Экхарт 2001 — *Майстер Экхарт*. Об отрешенности / Сост., пер. со ср.-верх.-нем. и лат., предисл. и примеч. М. Ю. Реутин. М.: СПб.: Университет. кн., 2001.
- Экхарт 2010 — *Майстер Экхарт*. Трактаты. Проповеди / Изд. подгот. М. Ю. Реутин. М.: Наука, 2010.
- Сузо 2014 — *Сузо Генрих*. Exemplar / Изд. подгот. М. Ю. Реутин. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»; Наука, 2014.
- Штагель 2019 — *Штагель Элизабет*. Житие сестер обители Тёсс / Изд. подгот. М. Ю. Реутин. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир»; Наука, 2019.
- Bernhard 1995 — *Bernhard von Clairvaux*. Sämtliche Werke: In 10 Bd. Bd. 5, 6: Sermones super Cantica Canticorum. Innsbruck: Tyrolia Verlag, 1990–1999.
- ELW 2006 — *Meister Eckhart*. Die lateinischen Werke: In 5 Bd. Bd. 5. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 2006.
- Rieder 1908 — Der sogenannte St. Georgener Prediger aus der Freiburger und der Karlsruher Handschrift / Hrsg. von K. Rieder. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1908.
- Tauler 1910 — Die Predigten Taulers. Aus der Engelberger und der Freiburger Handschrift sowie aus Schmidts Abschriften der ehemaligen Strassburger Handschriften / Hrsg. von F. Vetter. Berlin: Weidmann Verlag, 1910.

Литература

- Hamburger 1997 — *Hamburger J. F.* Nuns as artists: The visual culture of a medieval convent. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1997.

References

- Hamburger, J. F. (1997). *Nuns as artists: The visual culture of a medieval convent*. Univ. of California Press.

* * *

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Реутин
доктор философских наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-литературных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ mreutin@mail.ru

Information about the author

Mikhail Yu. Reutin
Dr. Sci. (Philosophy)
Leading Researcher, Center for Studies
in History and Literature, School
for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ mreutin@mail.ru